

П. А. Вяземский

Записные книжки (1813-1848)

Издание подготовила В. С. Нечаева
М., Издательство Академии Наук СССР, 1963
Серия "Литературные памятники"
Scan - <http://imwerden.de>
OCR [Бычков М. Н.](#)

"Будет другой век, когда протухлый наш век сгниет; вопли моего сердца, быть может, не заглушатся под усилиями невежества, и я отзовусь у добрых и счастливейших людей. Я мало означил шагов на пути своего незначительного бытия, но шаг-другой останется впечатленным".

(Из письма П. А. Вяземского
А. И. Тургеневу от 3 сентября 1820 г.)

КНИЖКА ПЕРВАЯ¹

(1813--1823)

Милостивый государь,

Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в обласности словесности и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставляло меня с пером в руках, с желанием писать. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессоницы, и начиная засыпать мерещились мне мысли. Я кидался с постели, в просонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои и опять оставался с прежним недостатком. В унынии я уже прощался с надеждою сказать о себе некогда хотя пару слов типографиям, прощался с надеждою получить некогда право гражданства в сей желанной области и говорил: Журналы! Вестники! Мне навсегда закрыты к вам пути! Я умру, и мое имя останется напечатанным на одних визитных билетах, которые я развозил всегда прилежно, потому что с молодости моей я был палим благородною страстию напоминать о себе вселенной! Наконец, последняя книжка "Вестника Европы" под No 22-м оживила меня и озарила мрак моего сердца. Напечатанный в сей книжке приказ графа Пушкина в свои вотчины был для меня зарею надежды и удовольствия. Мне открылась возможность приносить иногда жертвы на олтаре журналов; ибо я имею маленькую деревеньку в Оренбургской губернии и на каждой неделе посылаю по два приказа к моему старосте, над которым, признаюсь вам чистосердечно, я мстил упрямым мыслям и удовлетворял неодолимому желанию чернить белую бумагу. Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к скромному старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевавшему несколькими тысячами душ. Кто-то сказал, что, когда афиняне строили флоты, Диоген ворочал своею бочкою. Не отриньте моего приношения, дайте мне место в своем Вестнике, и я тогда с восторгом благодарности, счастливее самого Диогена, воскликну: *я нашел человека*².

ПРИКАЗ СЕМЕНУ ГАВРИЛОВУ³

Я получил твою отписку и ведомости о доходах и расходах на август и сентябрь. Радуюсь, что твой слог становится яснее и приятнее и что ты начинаешь знать, где ставится *ять* и *е*. Это не безделица; я здесь знаю одного сенатора и стихотворца, которого последнюю оду прислал я к тебе с тем, чтобы ты прочел ее пред миром, и который с удивительным своим дарованием погрешает всегда против сих букв. Но зато недоволен я твоими расходами; они всегда велики, а доходы по соразмерности всегда малы. Семен Гаврилов! Это стоит *ять*. Пекись о нем, но пекись и о доходах, помни мое наставление: соедини полезное с приятным. Притом же буква *ять* гораздо на глаза милее в доходе, чем в расходе. Еще одно